

Инквизитор. Вассал и господин

Автор:

Борис Конофальский

Инквизитор. Вассал и господин

Борис Конофальский

Путь инквизитора #4

Продолжение приключений солдата Волкова. Всю жизнь он мечтал об этом, и вот он это получил. Земля. Своя собственная земля. Но это было бы слишком просто. Кажется, это всё только начало.

Глава 1

В Вильбурге Его Высочества не оказалось. Он отбыл со двором в свою резиденцию в Маленберг, в замок, что находился в половине дня пути на юг от Вильбурга. Полдня пути. Всего полдня. Пусть он со своими людьми придёт к ночи, но лучше добраться к ночи, чем здесь, в Вильбурге, встретить Адольфа фон Филенбурга. Этого жирного и истеричного вильбургского епископа.

Аббат Илларион, посмеиваясь, рассказывал Волкову во время пиров в Хоккенхайме, что епископ зеленеет лицом и трясёт своими подбородками, когда слышит имя кавалера. Епископ всех уверяет, что Волков вовсе не рыцарь, а вор, который его обокрал, выманив у бедняги пятьдесят талеров на дело, которое не сделал. И что сам он, епископ Вильбурга, не просил своего брата, архиепископа Ланна, производить этого проходимца в рыцари. И что письмо, которое привёз мошенник от него, подложное. В общем, встречаться с этим жирным попом Волков не хотел ни при каких обстоятельствах и задерживаться в Вильбурге не стал.

С ним были офицеры Рене и Бертье и их люди, почти сто шестьдесят человек. Дело в том, что ещё в Хоккенхайме он выдал им деньги вперёд за месяц, и месяц этот заканчивался только через неделю.

Можно, конечно, было их отпустить с Богом, всё равно они ему были особо и не нужны, но Волков потащил с собой всех этих людей. Ему почему-то казалось, что приди он к курфюрсту не один, а с хорошим отрядом, курфюрст выкажет ему больше уважения. А может, и награда будет побольше. Вот и не отпускал он их, даже несмотря на то, что «кров и прокорм» были за ним. И всё это не считая людей Карла Брюнхвальда. Они тоже были оплачены вперёд. Их было ещё почти сорок человек. В общем, затрат было немало, но он готов был нести эти траты, лишь бы прийти к герцогу во главе отряда. Гордыня? Да, гордыня. Но пусть герцог знает, что он способен вести и содержать без малого две сотни людей, да ещё с тремя офицерами.

Так он и выехал из Вильбурга впереди колонны солдат. А с ними был и обоз, во главе которого ехала роскошная карета некогда страшной ведьмы Рябой Рут из города Хоккенхайма, из окна которой поглядывала на всех, одетая в парчу, совсем молодая женщина. Она не была красавицей, но всё говорило в ней о её высоком происхождении. И вид её был притягателен, многие мужчины сочли бы её желанной. Лик её, осанка и высокомерный взгляд заставляли простых людей кланяться карете. Все, кто знал девушку, обращались к ней не иначе, как госпожа Агнес. А те, кто не знал, завали её госпожа Фолькоф, считая ее какой-то родственницей рыцаря. На что она благосклонно отвечала и не исправляла обратившегося. Видимо, она была не против, чтобы все так и считали. А вот те, кто знал, где рыцарь её подобрал, и Сыч, и Ёган, так они вообще без необходимости к ней не обращались. И хотели бы держаться от неё подальше.

– Ну её к чёрту, – коротко выразился Фриц Ламме по прозвищу Сыч.

И Ёган, человек, который никогда с Сычом не соглашался ни по каким вопросам, тут был с ним абсолютно солидарен:

– Дьяволова баба, жду не дождусь, когда господин её пойдёт от себя.

Но сейчас Ёгану было непросто её избегать. Господин не дал Агнес денег нанять кучера, и кучером пришлось быть ему. А он всю свою крестьянскую жизнь управлял только телегой. А тут на тебе, карета.

Да ещё в четыре коня. Шутка ли? Он старался, как мог, но за каждую яму на дороге за каждое резкое движение или крен кареты в спину ему летел выговор. Выговаривала ему не сама Агнес. А новая служанка её, некрасивая, но молодая бабёнка с жирным лицом и сильными плечами, как у мужика. Госпожа звала её Астрид.

Она и говорила ему, хоть и громко, но постным голосом без чувства в словах:

– Неумение своим ты госпоже докучаешь. Беспечный ты кучер.

Здоровенный мужик ростом едва ли не выше Волкова и уж точно толще его, разевшийся на хозяйских хлебах, втягивал голову в плечи, словно его хлыстом ожгли. Морщился и вздыхал, как мог, старался объезжать ямы, чтобы только не злить лишней раз важную госпожу Агнес. Ту самую Агнес, которую год назад рыцарь нашёл в трактире в Рютте, когда она мыла там заблёванные полы и грязные столы.

Максимилиан, сын Карла Брюнхвальда, что со штандартом Волкова ехал в голове колонны, обернулся и крикнул отцу и рыцарю, что ехали на десять шагов после него:

– Господа, замок!

Брюнхвальд и Волков, занятые беспредметным разговором подняли головы, поглядели туда, куда указывал юноша. Они за день видели много замков, наверное, четыре, не меньше, но этот замок, несомненно, принадлежал Его Высочеству.

Маленберг стоял на скале, возвышался над лесом. Родовой замок дома Ребенрее был виден из далека.

– Надо бы добраться до него дотемна, – сказал кавалер.

Очень ему хотелось, что бы герцог увидел его отряд.

– Успеем, – заверил его Карл Брюнхвальд и, обернувшись назад, крикнул, – шире шаг, ребята. Скоро постой. Вон у того замка встанем.

А кругом было на удивление хорошо. Поля со всходами, луга, кони пасутся, коровы. Дома мужиков вовсе не хибары. Побелены, крепки. Кирхи не бедные. Коров вокруг много, на каждом клочке земли вдоль дорог, там, где есть трава – корова. Ветряки мельниц то тут, то там. Богатая земля, богатая. Одно слово – родовой домен герцога. И великолепный замок на горе. Замок новый, крепкий, высокий, как скала, красивый. Брать его – только зубы ломать, на горе стоит, вокруг него даже пушек не поставить. Разве только предместья пограбить. В общем, всё здесь хорошо и красиво. Видно, ни разу сюда еретики с войной не доходили.

Как стали ближе подъезжать к замку, навстречу им рысью прискакали два господина. Ретивые, но вежливые. Сначала у Максимилиана спросили, чей стяг он держит. Строго спрашивали, но без грубости. А как он им сказал, так они подъехали к Волкову и Брюнхвальду. Поздоровались, представились и спросили, зачем это они ведут столько добрых, оружных людей к замку Его Высочества.

– Это рыцарь божий Фолькоф, – за Волкова сказал Брюнхвальд, – а то люди и офицеры его. Идёт он к замку Его Высочества, так как барон фон Виттернауф звал его, чтобы герцог мог наградить рыцаря по его заслугам.

Один из господ сказал тогда:

– Станьте под замком, там постоянных дворов довольно, и велите людям вашим вести себя смирно, простой люд не обижать и ждать, когда принц вас пригласит.

Брюнхвальд, видно, собирался ему ответить, что они и не думали этого делать, чай, не разбойник, но Волков его опередил и сказал:

– Так мы и поступим. Предайте Его Высочеству, что я в смирении жду его аудиенции. И передайте барону фон Виттернауфу, что я прибыл.

– Мы всё передадим, – обещали господа и уехали в замок.

Под горой, на которой стоял замок, было большое село, да и не село уже, скорее город, просто без стен. Город, да и только. И дома у него каменные, и ратуша большая, рынки, церкви. Чем не город? Там постоянные дворы были. А один и вовсе не плох. Волков снял комнаты всем своим офицерам. И Бертье, и Рене, и Брюнхвальд были командами довольны. Солдаты, по разрешению хозяина, за малую плату расположились в палатках на скошенном поле возле села. Они ставили котлы с бобами на огонь, резали двух баранов, что купил им кавалер, пили пиво и ели свежий, белый хлеб. И все были довольны. Все, кроме Агнес.

А чего ей быть довольной? Комнату господин ей снял маленькую, с узкой кроватью и без стола. Столоваться ей внизу велел со всем постоянным людом. А её служанку Астрид так и вовсе оправил спать в людскую со всякой сволочью, с лакеями и холопами. Авось, не барыня. Госпожа Агнес хотела по лавкам хорошим пройтись, слава Богу, они тут были. Она видела из кареты хороший лен, да ещё и шёлковую лавку. Так господин денег не дал. Отчего же ей быть в добром расположении духа? Так и ходила по трактиру после ужина злая. Встретила в коридоре Максимилиана. Говорить с ним хотела, да он убежать норовил, говорил, что по делам господина старается. Так от злобы она ущипнула его за щеку. Сильно. А он взвизгнул, отпихнул её и убежал. А она посмеялась немного, хоть чуть развеселилась и пошла Ёгана искать. Решила отчитать его за нерадивость и неумение водить карету.

Не нашла, пошла в покои господина, а там с ним мужчины за столом. Офицеры. Ей очень нравилось, что эти господа всегда вставали и кланялись ей, когда она входила в комнату, шурша своими дорогими платьями. Все вставали, только кавалер не вставал, говорил с ней неучтиво. А мог и вовсе, коли в дурном духе был, из-за стола её выпроводить бесцеремонной фразой: «Спать ступай, к себе иди».

Все её чтили, все ей кланялись: и господа, и холопы, даже те, кто видел её первый раз, а он как со служанкой с ней говорил. Или ещё хуже, как с ребёнком. И ещё при людях небрежно протягивал ей руку для поцелуя. И она целовала эту руку с поклоном. И в этот момент сама она не знала, нравится ли ей при людях её целовать или злиться она на него за такое унижение. Скорее, и злилась она, и нравилось ей. Всё сразу.

Иногда он позволял ей посидеть с ними за столом. Выпить вина. Но недолго. Затем всегда отсылал её. И опять обидно отсылал, словно она была дитё

неразумное. А она вовсе не дитё. Может, ей и интересно было поговорить с господами офицерами. И блеснуть званиями своими. Увидеть в их лицах удивление и восхищение. Зря она, что ли, книги читала одну за другой. А господин говорить ей не давал, гнал её безжалостно. Или шутливо спрашивал господ офицеров, не знают ли те кого, кто взял бы Агнес замуж. Те отвечали, что таких богатеев среди своих знакомых не знают и что госпоже Агнес в мужья пойдёт только граф, никак не меньше. И тогда господин говорил, что графов он не знает и за неимением таких выдаст ее, наверное, за Сыча или Ёгана. И тут следовал смех.

Солдафоны, чего от них взять.

И вот от этого она уже точно на него злилась. Краснела и говорила ему слова негрубые, но тоном дерзким, отчего все мужчины смеялись от души ещё больше, и кавалер её выпроваживал прочь. Вот и в этот вечер в постоялом дворе Волков и офицеры посмеялись, и он опять выгнал её из-за стола. Она выпила вина и была зла, покраснелась, даже стала хороша собой. Вскочила и убежала, как обычно, даже не пожелав ему спокойного сна, а после неё Брюнхвальд, Рене и Бертье тоже откланялись и пошли по своим комнатам.

Трактирные лакеи быстро убрали посуду и остатки ужина со стола, ушли. А Ёган взялся смотреть одежду господина. Приговаривая:

– Это чистое. И это чистое. И это ещё поносите.

– Ты не забывай, что завтра меня может герцог звать, не дай Бог у меня одежда грязная будет. – Напомнил ему Волков.

– Всё, что нужно, сейчас прачке снесу, ждёт она, – обещал слуга, – сапоги вычищу, завтра будете сами как герцог.

– Туфли тоже приготовь, может, в туфлях пойду, – задумчиво произнёс кавалер и добавил, – сундук мой дай.

Ёган бросил копаться в тряпках господина и приволок к столу тяжёлый сундук.

Волков достал из кошелья ключ и отпер его. Откинул крышку. Сундук был железный, кованый, с хитрым замком и очень крепкий. Внутри было много отделений, но занято всего три. Одно, самое большое, занимал мешок синего бархата, в котором лежал голубоватый стеклянный шар. Его кавалер трогать не стал. Он не любил эту вещь и без необходимости даже не прикасался к ней.

А вот всё остальное из сундука достал, выложил на стол.

И теперь перед ним на столе лежал, расплываясь от тяжести, большой суконный кошель и кожаный плоский кошель для важных бумаг. Там был имперский вексель на тысячу с лишним монет. Он его и доставать не стал, проверил, на месте ли, и всё. А вот из холщёвого кошелья содержимое он вывалил на скатерть.

Золото! Никакого серебра, только золото!

Он и так знал, сколько у него этих славных монет, но решил ещё раз пересчитать их. Стал раскладывать их столбиками. Гульдены, флорины, тяжёлые цехины, флорины папской чеканки, эгемские кроны, королевские эку и даже старинный «пеший франк». И самые ценные из всех, тяжёлые дублоны. Четыреста две золотых монеты. Волков не мог сказать точно, но приблизительно они стоили восемнадцать тысяч талеров Ребенрее. А значит, все двадцать тысяч талеров Ланна и Фринланда. Да, это были хорошие деньги. Очень хорошие. И всё это он заработал всего за один год. Год был, конечно, непростой, но и награда была намного больше, чем он заработал за двадцать лет в солдатах и гвардии. В разы больше.

И это не считая векселя, кое-какой брони, аркебуз и арбалетов, что лежат у него в доме в Ланне. А ещё кусочек земли в Ланне с кузницей. А ещё карета, хорошие кони. Да-да, ещё и серебришко в кошельке. Там монет полторы сотни. Не меньше. Чёрт, ещё пушки! Три пушки, что он вывез из Фёренбурга, они тоже стоят больших денег. И всё это не считая связей и знакомств, которыми он оброс. Несомненно, Бог был к нему милостив и воздал ему по делам его, хотя и нелегко ему всё это далось. И это ещё не всё, завтра он получит то, о чём мечтал всегда, с самых первых времён в солдатах.

Да, он мечтал о земле, всегда мечтал. Он заразился этой мечтой от офицеров, у которых служил в молодости. Все они до единого, всегда копили деньги, и копили только на одно. А придворные, он посмотрелся на них в годы своей

гвардейской службы, готовы были на любые подлости и на самоубийственные безрассудства, только чтобы сеньор дал им землю. Все эти твёрдые, жесткие, жадные люди мечтали бросить своё ремесло или удалиться от двора, как только накопят достаточно денег на клочок земли. Земли с мужиками, чтобы больше никогда не нуждаться. Чтобы до конца дней своих быть господином. И умереть господином.

И Волков тоже заболел этой болезнью. Думал о земле всегда: длинными ночами в караулах, и стоя в конце штурмовой колонны с арбалетом в руках, и на привалах, экономя деньги в кабаках, и торгуясь с маркитантками, он всё время копил. Всё это время мечтал о земле. И вот теперь эта мечта была совсем рядом. Если, конечно, барон Виттернауф его не обманул. Нет, он не обманет, не посмеет. Барон стал его уважать, может, даже побаиваться, после того, как Волков на его глазах ловко и хладнокровно разбирался в тюремных подвалах Хоккенхайма с тамошними хитрыми и злобными ведьмами.

Нет, барон сделает всё, что обещал. Если, конечно, герцог не будет против и даст обещанную землю. И тогда... Тогда деньги ему будут кстати. Вряд ли ему дадут очень хорошую землю, никто не будет раздавать добрую землю с мужиками. Дать-то дадут, но или земля будет плоха или мужиков на ней будет мало. Мало того, ещё и потребуют, что бы спасибо говорил до самой смерти. И служил. Ну и чёрт с ними, лишь бы дали, лишь бы не обманули. А уж он как-нибудь поднимет её. Тут Волков в себе не сомневался.

- Лишь бы дали. - Произнёс он, сгребая золото в кошель.

- Это вы про что? - Полюбопытствовал Ёган.

- Да про землю, может, герцог мне земельки даст, - сказал кавалер.

- Земля! - Слуга замер с новым колетом господина в руках. - Земля - это очень хорошо. Особенно если с мужичьём.

- А на кой чёрт она мне без мужиков.

- Это да, - соглашался Ёган. - Это да, только вы и без мужиков берите, не отказываетесь.

– Братъ?

– Обязательно. Если крепостных не будет, так свободные набегут, безлошадные да безземельные. Лошадок им купим, покос выделим, лужок какой дадим под козу, оброк честный положим, опять же, дозволим хворост собирать, глину жечь, запруды на ручьях под рыбу ставить, обязательно мужички набегут. А если скажем, что первые перу лет без барщины будут жить, так и много набежит. Лишь бы земля была не камень да не болото.

– Думаешь, справимся? – Спросил Волков в первый раз, наверное, всерьёз рассчитывая на своего слугу.

– Эх, господин, – растянулся в улыбке Ёган, – вы думайте, как мечом махать да ведъм палить, а в мужицком деле я разуберусь. Всю жизнь им занимаюсь.

– Ладно, – Волков вздохнул и захлопнул сундук и запер его на ключ.– Давай спать, на рассвете встанем.

– Давайте, господин, – согласился слуга, – сейчас только вещи к прачке занесу и тоже лягу.

Он ушел, а кавалер запер дверь и завалился в кровать. Кровать была далеко не так хороша, как кровать, на которой он спал в Хоккенхайме. Но человеку, который много лет своей жизни проспал на солдатском тюфяке или на земле, и такая кровать – счастье. Хоть и волновался он, хоть и думал о завтрашнем дне, но заснул сразу, как и положено бывшему солдату.

Глава 2

На заре он просил себе завтрак в покои. Пригласил офицеров, а Максимилиана послал в замок, узнать, когда курфюрст его примет.

Ещё в Хоккенхайме Волков безвозмездно выдал Рене и Бертъе деньги, видя их бедственное положение. Он считал укором себе, что его офицеры ходят в разорванных солдатских башмаках и что колеты у них в локтях и на манжетах

протёрты. А на их шляпы он и вовсе смотреть не мог. Оттого и не поспешил, выдав им в подарок по пять талеров. Тогда денег у него были сундуки целые. Пока их попы не отняли. И если взрослый и взвешенный Арсибальдус Рене деньги потратил с толком и теперь выглядел вполне прилично, хоть и небогато, весёлый и голосистый Гаэтан Бертье деньги потратил как минимум оригинально. Вместо нового колета, он купил себе рубашек с тончайшим кружевом, вызывающе красные сапоги выше колен и роскошный алый кушак. И теперь поверх растрёпанных в нитки манжетов и воротника у него торчали роскошные кружева. А издававшие виды широченные зелёные панталоны никак не гармонировали с красными сапогом и кушаком алого шёлка. Ничуть не смущаясь, этот диссонанс он решил с солдатской простотой, он напялил на себя свою кирасу. Рубленую и кое-где мятую, но начищенную до зеркального блеска.

Как ни странно, но Рене и Брюнхвальд также явились к завтраку в кирасах. Чуть подумав, Волков решил, что это даже неплохо. Он, конечно, пойдёт на приём без доспехов, но эти кирасы подчеркнут такую бравость его людей. Правда, надеясь кавалер, что весёлый Бертье не осмелится при герцоге надевать свою рваную шляпу.

И когда они ели молодой сыр, топлёное молоко, белый хлеб и окорок, прибежал Максимилиан и рассказал им:

– Поначалу меня в замок не пускал сержант, – юноша с трудом переводил дух, – но как я сказал, что меня послали вы и что вас пригласил барон, так сразу пустили и сказали, где найти барона.

Думал, барон ещё спит, а он не спал, я ему сказал, что вы ждёте дозволения герцога, а он сказал, что ждать не нужно, а нужно через час прийти к его обеденному залу, пока герцог завтракать будет, и тогда он вас представит.

– И всё? – Спросил Волков, чувствуя, что от волнения начинает гореть лицом.

– Нет, ещё сказал, что вопрос ваш у него решён, – проговорил Максимилиан. – И чтобы вы не волновались. Сказал, что всё будет по уговору.

– А что же за вопрос? – Пылкий и шумный Бертье даже усидеть не мог на стуле, вскочил. – Ну, кавалер, расскажите!

Волков не говорил офицерам о награде, вернее, говорил, что награда будет, но не говорил им, какая именно. Даже Брюнхвальду, кажется, про землю не говорил.

– Узнаете, господа, – ответил он с напускным спокойствием, хотя у самого кипела кровь от волнения. Просто он вида не показывал. – Придёт время, и узнаете.

Кавалер даже смог улыбнуться.

– Вот какой же вы холодный человек! – Восхитился Бертье.

– Хладнокровие очень важное качество для офицера, – нравоучительно заметил ему Рене. – Вам, Гаэтан, есть чему поучиться у кавалера.

Но Волков только показывал, что он спокоен. На самом деле он волновался. Так волновался, что расхотел заканчивать завтрак, и, чтобы избавиться от гостей, крикнул:

– Ёган, подавай одеваться.

Гости тут же встали и пошли из покоев, а Ёган принёс от прачки чистую и лучшую одежду господину. Кавалер оделся, стал осматривать себя, пока слуга держал для него зеркало. Колет, шитый серебром, был изумителен, панталоны в меру широки, из бархата. Сапоги решил не надевать, до замка недалеко, поедет в туфлях, авось грязи нет, не запачкается.

Перед тем, как ехать, он решил взглянуть и на своих людей, и был ими доволен. Даже неряха Сыч, и тот был чист и брит. А уж Максимилиан и вовсе был образцовым знаменосцем. Видно, Карл Брюнхвальд проследил за тем как выглядит сын.

Так и поехали. Дорога была не крута, но всё время шла в гору.

Волков и офицеры разглядывали замок герцога и пришли к выводу, что в нем легко можно разместить и тысячу солдат – так велик был замок. И все сошлись на мнении, что этот замок штурмом не взять и что просидеть под ним можно

годы – и всё будет без толку.

Мост был опушен, и решётка поднята. Едва Максимилиан крикнул, что едет кавалер Фолькоф, офицеры и люди его, сержант сразу отошёл с дороги, пропуская их и указывая рукой:

– Езжайте к восточной коновязи. Там гости ставят коней.

Двор был велик и мощён ровным камнем. На удивление чист. Даже под коновязями было чисто, словно лошади сами разумели чистоту. Такой чистоты Волков не видал ни при дворе де Приньи, ни при дворе архиепископа. Остальных тоже поразило это. И стены были выбелены, двери чистые, словно новые везде.

Тут же во дворе их встретил мажордом. Не юный муж солидного вида и с большой тростью, что была завершена серебряным набалдашником. Кроме серьёзной трости о важности этого человека говорила не только добрая одежда, но и золотая цепь гульденов на двадцать.

– Я прибыл по приглашению барона фон Виттернауфа, – сказал Волков, бросая поводья Сычу.

– Барон дожидается вас, – с едва заметным поклоном величаво отвечал мажордом.

– Ишь ты, серьёзный какой, – тихо сказал Ёган, – и не поклонится даже толком.

– И не говори, боится, спина переломиться, – согласился с ним Сыч, с интересом разглядывая цепь мажордома. – Вон сколько золота на себе носит, важная, видать, птица.

Они с Сычём так и остались при лошадях.

А всех остальных мажордом жестом пригласил следовать за ним. И все пошли. Шёл он, подлец, так, что Волков едва поспевал за ним, непросто ему было хромать по высоким и вычищенным ступеням. Да ещё если они не кончались. Подъём – коридор, подъём – коридор. Подъём – длинный коридор. Кавалер покрылся испариной, сжал губы в нитку. Ногу на ступенях стало выворачивать,

словно он уже целый день ходил, становился он на неё всё тяжелее. Но просить мажордома не спешить он не хотел. Не к лицу рыцарю божьему выглядеть немощным. А вот по шее мажордому он дать хотел. Но вряд ли бы это вышло, угнаться ему за ретивым мужем не было никакой возможности. Да и догони он его – сдержался бы. Ничего, он потерпит, не для того он здесь, чтобы слуг герцога задирать. Вот и шёл он за мажордомом, сопя и стискивая зубы. Терпел боль в ноге и обиду в сердце.

Наконец, они пришли. Наверное, на четвёртом этаже замка, в гулкой зале, с большим столом и огромным камином, мажордом остановился у больших дверей. Трижды стукнул в них посохом.

– Рыцарь Фолькоф к вам, барон! – Звонко крикнул он.

– Проси, – донеслось из-за двери.

Волков подумал, что и герцог там, за дверью, быстро вытер пот с лица и пошёл к двери, стараясь не хромать сильно. Мажордом услужливо открыл ему дверь, хотя это и должен был делать лакей.

Жестом пригласил его войт, бесцеремонно останавливая всех господ офицеров, что собирались следовать за кавалером.

Те послушно остановилась. Стали разглядывать гобелены на стенах. А Бертье не постеснялся, взял стеклянный кувшин со стола, потряс его и радостно сообщил:

– Господа – вино!

Рене, Брюнхвальд и Максимилиан ничего ему не ответили и смотрели на него осуждающе. Бертье вздохнул и поставил кувшин на стол.

Барон, как увидел кавалера, так встал из-за стола и развёл руки для объятий, словно встретил старого друга.

– Кавалер, ну вот вы и добрались сюда. Рад вам, рад.

Они обнялись. И Волков, отстраняясь от барона, вдруг увидел на нём золотую цепь, ещё более тяжёлую, чем была на мажордоме. Заканчивалась цепь медалью с изображением подковы. Волков удивлённо глядел на медаль и, указав на неё пальцем, спросил:

– Обер-шталмейстер?

Они уселись за стол.

– Да, – расплылся в улыбке барон. – Его Высочество счел, что мои старания заслуживают награды. И теперь я Первый Конюший двора. Но вы не волнуйтесь, кавалер, ваши старания тоже не остались без внимания. Герцог и канцлер приняли решение, правда...

Барон замялся, немного сморщился, как от недовольствия.

– Что? Говорите, барон.

– Был у вас недоброжелатель. И многое он сказал против вас.

– Это обер-прокурор, – догадался Волков, вспоминая лицо графа на суде в Хоккенхайме.

– Да, это граф фон Вильбург, дядя нашего герцога.

– И что же за упрёки он приводил?

– И то, что вы чинили несправедливый суд в Хоккенхайме, и то, что вы разграбили Фёренбург, и то, что вы убили лучшего чемпиона герцога в нелепом поединке.

Волков молчал, хотя ему было, что сказать на каждое из этих обвинений. А барон продолжал:

– Но на всё это у меня был ответ, и тогда граф Вильбург высказал тезу, которую мне парировать было нечем.

– И что же это за теза?

– Вильгельм Георг фон Сольмс, граф Вильбурга, сказал, что вы рыцарь Божий и человек курфюрста Ланна и Фринланда, доброго брата нашего герцога.

Волков помолчал и спросил:

– А они что, и вправду братья?

– Да какой там, – барон наклонился к Волкову и зашептал, – курфюрст Ланна и Фринланда урождённый Вуперталь. Это древний род из старых дюков такой же, как и Бюловы или Филленбурги. В общем, все родовитые курфюрсты, чей род, хоть раз занимал императорский трон. Ребенрее ни разу не сидели на этом троне. А имя предков нашего герцога Мален. Двести лет назад о Маленах и не слышал никто. Имя Ребенрее они носят всего сто пятьдесят лет. – Он поднял палец вверх. – Но не вздумайте это где-нибудь упомянуть, сразу наживёте себе десяток влиятельных врагов.

Кавалер кивнул, и барон продолжил:

– В общем, мне нечего было ответить графу по поводу вашей преданности архиепископу Ланна. И герцог с канцлером сказали, что примут решение, поговорив с вами.

– И когда они хотят поговорить со мной? – Спросил Волков, мрачней.

Никогда, никогда и ничего не проходило в его жизни гладко.

– К концу завтрака, ко второй перемене блюд. То есть сейчас.

Барон встал, и Волков с трудом поднялся со стула. Ну, хоть не пришлось ждать. И то хорошо.

Они вышли из комнаты, вышли из богатой залы, захватив с собой всех пришедших с Волковым, и направились к столовой герцога. А путь к ней вёл через длинный балкон, что тянулся на четвёртом этаже замка вдоль восточной стены. Барон не спешил, как мажордом, видимо, из чувства такта, и Волков был ему благодарен.

Он всё больше проникался расположением к этому человеку.

А на балконе, чем дальше они шли, тем больше было важных людей. Нобили, влиятельный горожане, придворные – они стояли группками и с интересом наблюдали за Волковым и его офицерами. Если кавалер глядел на них, то эти господа ему слегка кланялись, он так же отвечал им поклоном. А барон улыбался и кланялся всем. Видимо, знал тут каждого. Когда Волков и сопровождавшие его офицеры проходили, господа начинали шептаться им в след. А в конце коридора так и вовсе было не протолкнуться. Там стояли молодые люди, разодетые в меха, шелка и бархат, их пальцы были в золоте, и уже с десяти шагов кавалер почувствовал запах благовоний и духов. Все до единого были при оружии. У всех модные мечи с затейливыми гардами. Да и кинжалы у многих. Эти господа на вид были столь же прекрасны, как и опасны. Волков служил в гвардии герцога да Приньи, он знал, что это за люди. Они везде были одинаковыми. Только назывались по-разному, где-то они звались Молодым двором, где-то просто Выездом, а кое-где Чемпионами или Ближними рыцарями. Это были безземельные младшие сыновья, вечные участники рыцарских турниров, дуэлей, интриг и убийств. В общем, беспринципная, жадная свора опасных людей, которые ждут ласки синьора, ждут, что им выпадет удача и сюзерен даст им землю за какое-нибудь грязное дельце, или же им удастся выгодно жениться. В общем, опасная сволочь. От таких господ кавалер желал держаться подальше. Он старался пройти, даже не взглянув в их сторону. Так бы всё и вышло, господа рыцари учтиво расступались перед бароном, который, видимо, всех их знал. Если-бы один из них вдруг не сказал, обращаясь к Волкову:

– Извините, добрый господин, но ваше лицо, кажется мне знакомым. Мы нигде не встречались?

Всем пришлось остановиться, даже барону. Кавалер сразу узнал этого господина, но говорить с ним ему совсем не хотелось, он ответил:

– Наверное, мы встречались на юге. Я провел там двенадцать лет.

– Да нет же, я там не бывал, – продолжал молодой господин. Он нахмурил брови, вспоминая и не очень-то вежливо указывая на Волкова пальцем. – Вы, кажется, коннетабль из Рютте. Точно, вы служите у барона фон Рютте.

Волков не мог вспомнить имени этого господина, но, несомненно, помнил его лицо, он был одним из тех, кто приезжал в Рютте ещё с двумя мерзавцами его убить. Он стоял и думал, что бы этому человеку ответить. Скорее всего, это была бы колкость, но ему не дал её произнести барон:

– Господа, – громко сказал он, – этот добрый человек божий рыцарь Иероним Фолькоф. Он прибыл сюда по приглашению Его Высочества, чтобы получить награду, что он заслужил деяниями своими в Хоккенхайме.

– А, так это вы тот самый ловкач, что палил баб в Хоккенхайме? – Язвительно поинтересовался один из рыцарей, высокий молодой красавец в роскошном берете с дорогим пером.

Его вопрос был встречен остальными господами с интересом и весельем.

А кавалер расценил этот вопрос как вызов. Ну а как иначе, слово «ловкач» в устах этого господина носило смысл уничижительный, даже презрительный. Безусловно, это был вызов. Вот только кавалеру не было понятно, этот господин хочет его проверить или хочет драться. И то и другое было возможно, от этих господ всего можно было ожидать. И теперь этот человек с вызывающей улыбкой ждал от него ответа.

И остальные заметно посмеивались. Тоже ждали, пребывали в любопытстве. На их благородных лицах играли надменные улыбки, усмешки, светились высокомерие и интерес. Но Волков знал, что им ответить. Никогда, да благословен будь Господь, что научил его читать, никогда он не лез за словом в карман. Глазами он нашёл того, кто задал ему этот вопрос, сделал к нему шаг и спросил у него вкрадчиво:

– А не из тех ли вы господ, что мнят себя ведьмозаступниками?

– Что? – Не понял сразу сути вопроса молодой господин, только что считавший себя удачным шутником.

– Не из тех ли вы господ, что считают, что к ведьмам надобно проявлять милосердие?

Шутник молчал удивлённо, явно не ожидал он, что разговор так обернётся.

– А может, вы считаете, что Матери Церкви нужна реформация? – Повысил голос Волков, всё ещё сверля взглядом молодого рыцаря. И делая ещё один шаг к нему.

– Да нет же, – промямли тот в ответ. – Это была шутка.

– Шутка? Вы шутите над Святой Инквизицией, которая спасет верующих от козней ведьм и ереси? – Кавалер оглядывался и видел, как с лиц рыцарей исчезают улыбки, и с внутренним удовлетворением он продолжал, обращаясь к барону:

– Горько мне видеть, что среди рыцарей курфюрста, опоры трона императора, есть люди, для которых Мать наша Святая Церковь является объектом шуток.

– Не огорчайтесь, друг мой, – сказал барон, взяв Волкова под руку и погрозив молодым придворным пальцем, – это глупцы, повесы. Попрошу нашего герцога сделать им внушение. Распоясались. Пойдёмте, пойдёмте, друг мой.

Больше ни один из рыцарей не произнёс им в след ни одного слова.

Когда Волков и его офицеры оказались в отдельной комнате, где лакеи суетились подносами и кушаньями, а дверь на балкон за ними затворилась, Бертье перевёл дух и сказал:

– Фу, прошёл между ними, словно штурм стены отбил.

– Да уж... – Многозначительно поддержал его Рене.

– Не волнуйтесь, господа, – произнёс Брюнхвальд спокойно, – кавалер Фолькоф владеет словом не хуже, чем мечом или арбалетом.

– И, слава Богу, а я уж думал, что дуэли не избежать, – сказал Бертье. – А то я стоял среди этих господ, как будто голый среди стаи волков.

– Да уж... – повторил Рене.

А Брюнхвальд только посмеялся тихо, и его смех кавалер расценил как похвалу.

А барон тем временем ушёл в обеденную залу, но тотчас вернулся и сказал важно и громко:

– Его Высочество курфюрст Ребенрее соблаговолит принять вас немедленно, кавалер.

Волков оправил одежду, сжал и разжал кулаки. Вздохнул и шагнул в столовую залу, барон сразу зашёл за ним и прикрыл дверь.

Удивительные окна под потолок пропускали в залу много света. Там пахло кофе. Редкое зелье в этих серверных краях. За столом, уставленным кушаньями, сидел один человек. Одет он был на удивление просто. Менее богато, чем лакей, стоявший за его спиной и намного менее богато господина в мехах, поверх которых лежала тяжёлая золотая цепь. Господин в мехах и золоте читал сидевшему за столом документы ровно до той секунды, пока в залу не вошёл Волков.

Чтец остановился и уставился на вошедших. Волков низко поклонился человеку, что сидел за столом. Лицо у того было выразительное. Глаза навыкат и внимательные. Нос, длинный нос был фамильным знаком Ребенрее. Даже дамы этого рода не могли избежать этой характерной родовой черты. А ещё эта фамилия плохо переносила оспу. Болела этой болезнью тяжело. Вот и лицо герцога было изъедено этой болезнью.

– Рыцарь Божий, хранитель веры, коего многие заслуженно зовут Инквизитором, Иероним Фолькоф. – Представил Волкова барон.

Герцог и господин в мехах поклонились ему в ответ. Вернее, господин поклонился, а герцог выразил свою благосклонность милостивым кивком.

Барон начал расхваливать кавалера, говорил, что рыцарь, принял близко к сердцу то положение, в которое попал двор, и сделал все, что было можно, чтобы положение сие не усугубилось.

Он говорил и говорил, нахваливал, Волкова, рассказывал, что он претерпел, в Хоккенхайме, а герцог тем временем встал и, подойдя к Волкову вплотную, заглянул ему в лицо и спросил негромко:

– Так это вы убили моего лучшего рыцаря?

Барон замолчал. В зале стало тихо. И только кавалер стоял напротив герцога. Лицом к лицу. Мог, конечно, кавалер начать спрашивать мол, кого, когда. Но это было бы глупо и низко, словно он юлит и боится. И он ответил просто:

– На то была воля Божья.

– Божья? – На изъеденном оспой лице герцога появилась недобрая улыбка.

– Не я искал ссоры. Не я приехал к нему. – Твёрдо сказал Волков. – Он искал меня.

– А арсенал, что вы разграбили в Фёренбурге, тоже искал вас? – Продолжал улыбаться курфюрст. – А храм там же тоже вас искал?

– Раку из кафедрального собора Фёренбурга я забрал по велению епископа Вильбурга. Он дал мне денег и велел собрать людей, чтобы сделать это. А арсенал города я не грабил, я отбил его у рыцаря Левенбаха, врага вашего, и рыцаря этого я убил. В моём обозе его шатёр. А то, что люди мои взяли себе что-то из арсенала, так пусть лучше им достанется, чем врагам Господа, еретикам. К тому же, одну пушку, отличную, новую полукартауну из хорошей бронзы через офицера вашего, я предал Вашему высочеству.

Герцог обернулся к господину в мехах и тот подтверждающее кивнул: да, было такое.

Курфюрст понимающе кивнул пару раз и сделал рукой жест: давайте, несите сюда.

Тут же господин в мехах взял со стола подушку чёрного бархата, та была покрыта шёлковой тряпицей. Он сдёрнул тряпицу и понёс её герцогу. Волков сначала не мог понять, что там, а потом и разглядел: на чёрной подушке сияла белым цветом роскошная серебряная цепь из красивых медалей. С гербом дома Ребенрее в конце.

– Склоните голову, – тихо сказал барон.

И Волков наклонился. А герцог взял цепь с подушки и надел её на шею кавалера. Вроде, и цепь та была великолепна, и стоила только в серебре, без работы, талеров пятьдесят, но всё-таки думал кавалер, слоняясь ещё ниже в поклоне, что денег из Хоккенхайма герцог получил столько, что и на золотую мог расщедриться.

Да, золотая цепь ему очень бы пошла.

А герцог тем временем вернулся за стол и заговорил:

– Барон уверяет меня, что вы и впредь будете полезны дому Ребенрее, мой канцлер тоже так считает.

Господин в мехах опять кивнул головой соглашаясь.

Барон взял в руку удивительную белоснежностью чашку с чёрно коричневой жидкостью.

А курфюрст продолжил:

– Они полагают, что лен будет хорошей платой за ваши деяния. Готовы вы принять лен и стать моим вассалом?

– Для меня великой наградой была бы и чашка кофе из ваших рук, Ваше Высочество. А уж земля, так будет для меня неискупимым долгом перед вами.– Смирненно сказал Волков.

Все присутствующие, включая герцога, засмеялись. И герцог после этого сказал:

– Что ж, раз так, то и тянуть не будем. Канцлер уже подготовил бумаги и согласовал с нами землю, что вы получите.

Кровь зашумела в его ушах. Господи! Кажется ему это, сон это или явь? Кавалер едва не покачнулся. Не злая ли это шутка? Не шутят ли эти господа над ним? Он растерянно глядел то на герцога, то на канцлера, то на барона. Те улыбались ласково ему и были доброжелательны. Ни в чём не видал кавалер подвоха. Неужто всё наяву?

Чёрт с ней, с цепью, пусть серебро, пусть её совсем не будет, лишь бы не обманули с землёй.

– Если вы согласитесь принять моё старшинство, мою синьорию, – продолжал курфюрст, – то дело за малым, остаётся только принести присягу.

– Ваше высочество, я готов принести её прямо сейчас. – С трудом и сипло произнёс кавалер.

– Нет, кавалер, – тут же сказал канцлер, – всё должно быть по правилам. Для клятвы мы подготовили часовню, там, перед святыми образами, вы и будете клясться. Святые отцы и рыцари свидетели ждут нас.

– Я готов, – повторил Волков, взяв себя в руки и переборов волнение.

– Так не будем тянуть, – сказал герцог, вставая, – у нас сегодня ещё много дел, не так ли, канцлер?

– Именно, – согласился господин в мехах и золоте.

Глава 4

Как и всё в этом замке, часовня была светла и чиста. И поп был чист и благочинен. И служки, и даже мальчишки из хора были благовидны. В часовне не было амвона и не было кафедры, сразу перед образами расстелили ковер, на ковре стояло кресло, оббитое в цветах дома Ребенрее. Тут же перед ним лежала

подушка. А народу в небольшую часовню набилось много, человек тридцать или сорок даже, разве всех сочтёшь. И брат Ипполит каким-то образом сюда проник, стоял едва ли не в первом ряду. Осеня святым знаменем кавалера исподтишка. Офицеры, что пришли с кавалером, стояли в задних рядах, их ему видно не было. Сам он стоял рядом с попом, и поп ему что-то говорил милостиво улыбаясь. Волков, убей Бог, не понимал ни слова. То ли от духоты, что была в часовне, то ли от волнения. Он только кивал согласно и старался усмирить в себе кровь, что прилиwała к лицу и шумела в ушах. Но всё тщетно. Разве можно быть спокойным человеку в такую минут.

Карл Оттон Четвёртый герцог и курфюрст Ребенрее пришёл в часовню в одежде, которую можно считать официальной. Только он, кроме попа, был в головном уборе, богатом берете чёрного бархата. Но его герцогу сняли, водрузив на голову небольшую, корону из золота. Сам он был в длинной собольей шубе, подбитой горностаями, поверх которой висела тяжёлая и старая золотая цепь.

Гул в часовне сразу стих, как только он приклонил колени пред образами, перекрестился, поцеловал руку попу и сел в своё кресло. Канцлер встал рядом. А сразу за спиной у Волкова появился человек.

Стало тихо. Поп стал читать молитву. Читал расторопно, но внятно и хорошо. Все слушали, и где было нужно, крестились. И соглашались с попом: Амэн.

Затем, красиво запел небольшой хор, и как только он стих, поп нараспев сказал, глядя на Волкова:

– Кто ты, человек добрый? Как нарекли тебя, и чьей ты семьи? Говори, как перед Господом говорить будешь, без утайки и лукавства или подлости.

– Назовите имя своё,– прошептал человек, стоявший за кавалером почти ему в ухо.

– Имя моё Фолькоф, а нарекли меня Иеронимом,– твёрдо, почти без волнения сказал он, он не хотел говорить другого.

– Имеешь ли ты достоинство, что даётся по рождению, или берётся доблестью?– Продолжал поп.

- Говорите, что вы рыцарь,- шептал человек за спиной.

- Я рыцарь Божий. Достоинство рыцарское возложил на меня архиепископ Ланна.

- Подайте мне меч свой,- сказал поп.- Пред сеньором на клятве без оружия будьте.

Человек за спиной произнёс:

- Отдайте слуге Господа меч с ножнами вместе.

Волков быстро отвязал ножны с мечом от пояса и передал их священнику.

- Ступайте сюда,- пригласил его канцлер, после этого указывая место на ковре перед тронном.

И он собственноручно положил подушку у ног герцога.

- Поставьте колени на подушку.- Шептал человек за спиной.

Волков подошёл к подушке и не без труда опустил на неё колени здоровой ноги. Теперь он стоял перед герцогом на колене.

- Сложите руки в молитве,- шептал человек за спиной.

Волков повиновался, он сложил ладони перед собой, словно молил Бога.

И тогда герцог взял его ладони в свои руки, крепко сжал их и спросил, громко и чётко выговаривая слова:

- Скажи мне, рыцарь, перед лицом других рыцарей, и нобилей, и других свободных людей, принимаешь ли ты моё старшинство?

- Громко скажите: Принимаю.- Послышался шёпот за спиной.

- Принимаю!- Повторил Волков.

- Принимаешь ли мой сеньорат над собой?

- Скажите громко: Принимаю.

- Принимаю!

- Скажешь ли ты без утайки при других рыцарях, нобилях и при свободных людях, что я твой сеньор?

- Скажите: Вы мой сеньор.

- Вы мой сеньор,- повторил кавалер.

- Клянёшься ли, что будешь чтить меня как названного отца или старшего брата?

- Повторите дословно.- Шептали из-за спины.

- Клянусь, что буду чтить вас как названного отца или старшего брата.

- Клянёшься, что по первому зову моему, придёшь ко мне конно, людно, оружно и станешь под знамя моё.

- Повторяйте дословно,- говорил человек, но Волков уже не прислушивался к нему.

- Клянусь, что приду по первому зову вашему конно, людно, оружно и встану под знамя ваше.

- Клянёшься не замышлять против дома моего, людей моих, замков моих? Не служить врагам моим?

- Клянусь, не замышлять против дома вашего, людей ваших, замков ваших. Клянусь не служить врагам вашим.

– Клянёшься быть знанием и советом со мной? Клянёшься, что не утаишь от меня знаний своих и поможешь советом своим.

– Клянусь быть знанием и советом с вами. Клянусь, что не утаю знаний от вас и поделюсь советом с вами.

– Клянёшься, что будешь мечом и щитом моим?

– Клянусь, что буду мечом и щитом вашим.

– Примешь ли суд мой, как суд отца своего.

– Приму суд ваш как суд отца своего.

Герцог сделал паузу, заглядывая кавалеру в глаза, видимо остался доволен смиренным взглядом Волкова и продолжил:

– Верую клятвам твоим, ибо сказаны они рыцарем, перед рыцарями, нобилем перед нобилями и свободным человеком перед свободными людьми.– Произнёс герцог. Он встал.– И даю тебе в лен землю, что с юга и востока омывается быстрыми водами реки Марты и что зовётся Эшбахтом. Или как её ещё зовут Западным Шмитцингеном. И так и будет до дня, что удержишь клятву ты.

Среди собравшихся в часовне прошёл ропот удивления. Но Волков ничего уже не слышал. Он заворожённо повторял про себя название своей земли: Эшбахт. Эшбахт. Как удивительно и приятно оно звучало.

– Встань, друг и брат мой,– сказал курфюрст.– Отныне, пусть все зовут тебя Иероним Фолькоф господин Эшбахта. А ты будь добрым господином и справедливым судьёй людям Эшбахта.

Он помог Волкову встать и дважды поцеловал его в щёки. И громко проговорил, обращаясь к собравшимся:

– Господа, перед вами Иероним фон Эшбахт.

Люди зашумели, Бертъе звонко и неподобающе громко для церкви кричал: Виват. Но кавалер не слышал ничего больше.

Не слышал он и хоров, что запели «Осанну» по такому случаю, и как громко, почти над головой ударили колокола в его, видимо, честь. Он почти не отвечал на поздравления, только стоял истуканом и улыбался, слегка кивая головой. И повторял про себя всего одну фразу: «Иероним Фолькоф фон Эшбахт. Иероним Фолькоф фон Эшбахт». Как удивительно и красиво теперь звучало его имя.

Он очнулся от своего чудесного забытья, когда стоял уже во дворе замка, окружённый своими и чужими людьми, среди них всё ещё было много вельмож, и всё тех же рыцарей Молодого двора. Один из молодых придворных кричал ему:

– Послушайте... – он видимо хотел польстить Волкову, – Эшбахт, с вашей стороны было бы невежливым не устроить пир.

Остальные, особенно молодые рыцари Выезда, громко поддержали предложение своего товарища.

Волков согласно кивал, хотя страшно не хотел ни тратиться, ни пировать с этими господами, он для вида соглашался, но тут же оговаривал пир и, слава Богу, у него была такая возможность:

– Добрые господа, прошу заметить, что вино и пиво на пиру подаваться не может.

– И что ж это за пир без выпивки? – Удалялись вельможи и рыцари.

– Господа, господа, – Кавалер поднял палец как в назидание, – пост господа, не будем про него забывать. Пост. Надеюсь, что среди нас нет таких, кто ради радостей мирских готов рисковать бессмертной душой?

Лица господ рыцарей сразу стали кислы. А Волков продолжал:

– Думаю, что хорошие бобы с луговыми травами, репа, нежирный сыр, будут уместны за столом даже в пост, или... – Он оглядел собравшихся, – или я клянусь,

что устрою настоящий пир с вином и мёдом, и самыми дорогими кушаньями, но только после поста.

– Уж лучше дождёмся конца поста,– разочарованно соглашались придворные.– Репу, да бобы, пусть мужичьё жуёт.

А тут пришёл слуга, очень кстати, и сообщил ему, что его ожидает канцлер. И этим он избавил кавалера от продолжения этого неприятного разговора с этими неприятными людьми.

Лакей, это не мажордом, лакей шёл не торопясь, чтобы господин Эшбахт не морщился на каждой высокой ступени замка. Он привёл Волкова к большой зале, в которой находился огромный стол и стеллажи с книгами. Там его ждал человек в мехах и золоте, звали его Рудольф фон Венцель, фон Фезенклевер канцлер его высочества. Правда, меха он снял, оставив на себе только золото. Он, несмотря на утро, уже поигрывал вином в высоком стакане. И увидав кавалера, заговорил, тон его был скорее деловой, чем приятельский:

– Проходите, Фолькоф, вина?

– Нет. Спасибо.

– Ну и прекрасно,– он жестом предложил Волкову пройти к огромному столу, что тянулся вдоль всей залы.

На столе расторопный молодой человек раскладывал карту.

Постучав по карте ладонью, фон Венцель произнёс:

– Всё это земля нашего господина, она обширна и местами богата.

А вот и ваша земля,– он ткнул в самый край карты перстом в хорошем перстне.

О, это было самое интересное, что только могло быть. Кавалер стал разглядывать свою землю.

– Ваша земля обширна, так как обширно не всякое графство.– Продолжал канцлер.– Смотрите,– он водил пальцем,– с севера на юг, миль тридцать, день пути всадника. А с запада на восток полдня, не меньше, ну или чуть меньше...

– Мои владения огромны!– Негромко произнёс Волков, разглядывая карту с замиранием сердца, – Не знаю даже, как и отблагодарить сеньора.

– Вам обязательно представится возможность это сделать,– заверил его фон Вецель, глядя на кавалера едва не с усмешкой, и продолжая,– владения ваши с востока через реку Марту граничат с Фриландом. Герцоги Фриланды семьдесят лет самонадеянно считают вашу землю своей и называют её Западный Шмитценген.

Волков глядел на канцлера удивлённо, и тот, заметив удивление, опять усмехнулся и продолжил:

– Река по низине поворачивает на запад, огибая вашу землю с юга, за ней,– он сделал паузу, и опять пальцем в перстне стал стучать по карте,– за ней свободные кантоны. Горцы.

– Еретики!– Догадался Волков.

– Да, свободные кантоны стали прибежищем всем безбожникам, но и праведные люди там тоже живут.

Волков стал, кажется, догадываться. Не могло быть всё гладко. Не могло! Ну, а с чего бы ему в лен дали такую большую землю. Столько лет он пытался отвязаться, убежать от войны, стать помещиком или бюргером или... да кем угодно, лишь бы больше не видеть оружия. Но его тянули и тянули назад, на коня и в доспехи. Его настроение сразу ухудшилось, он спросил мрачно:

– И моей земле, придётся быть аванпостом на юге?

– Ни в коем случае,– твёрдо сказал канцлер,– слышите, ни в коем случае вы не должны враждовать с кантонами.

У кавалера камень упал с сердца. И он уточнил:

– То есть, мне не придётся воевать?

– Только не с соседями,– канцлер положил руку ему на плечо и продолжал,– дом Ребенрее воюет двадцать лет, ещё отец нашего сюзерена начал воевать, помогая императору, сначала в южных войнах, потом в войнах с еретиками. Дом оскудел, дом измождён, если всё пойдёт хорошо, то герцогу удастся расплатиться с долгами только через одиннадцать лет. И дорогой мой Эшбахт, самое меньшее, что нам сейчас нужно, так это то, чтобы какой-то вассал устроил нам новую войну с кантонами. Надеюсь, вы меня поняли?

– Я сам устал от войн,– сказал Волков. – И давно мечтаю хоть немного пожить в мире.

– Хоть немного пожить в мире, – повторил фон Венцель.– Да, да. О большем я и просить вас не смею,– улыбаясь, произнёс канцлер.

Глава 5

– С запада от вас проживают два барона и несколько мелких владетелей, люди все хорошие, верные слуги нашего герцога. Один из них мой старший брат Георг фон Фезенклевер. Он будет рад хорошему соседу. Ну а на севере от вас земли графа фон Малена. Кстати, ваша земля входит в его графство. В случае войны сбор поместного ополчения проводит он, он же и даёт оценку вам. Добрейший старик хлебосольный, но первый раз постарайтесь предстать пред ним бравым и во всей красе, очень он любит рыцарей и чтобы послуживцы у них были добрые, и кони, и доспех. Если есть возможность, прибудьте к нему в полном копье, он возлюбит вас как сына, тем более что с родными сыновьями у него долгие распри.

Кавалер понимающе кивал, он мог собрать полное рыцарское копьё сам, выступая рыцарем. Хотя рыцарским копьём как оружием он не владел вообще. И не пробовал никогда даже. Коней, доспехов и оружия у него хватало. Вот только мужик Ёган никак не тянул на боевого послуживца, как и Сыч, разве что Максимилианом сошёл бы за второго оруженосца, но кто их будет проверять под доспехом, если войны не предвидится. Все будут в хорошем доспехе, на хороших лошадях, с хорошим оружием. Как говориться, он прибудет к графу конно,

людно и оружно. Четыре закованных в латы всадника – это, считай, копьё.

– Но это только для показа? – Уточнил Волков.

– Только для показа, покажитесь графу во всей красе и всё, – подтвердил канцлер, – до графа доведены пожелания герцога, как и до вас: хранить мир всеми силами.

Кавалер кивнул. Это его устраивало. Но он уточнил:

– А не будут ли злы соседи, не будут ли покушаться? Вы говорили, что Фринланды считают эту землю своею.

Канцлер поглядел на него, как галдят на дитя неразумное, вздохнул и произнёс:

– Дорогой мой Эшбахт, скажу вам честно, будь ваша земля богата, так иссушили бы они нас своими придирками. А ваша земля не богата, хоть и обширна. Пашен в ней мало, лугов и покосов немного, лесов тоже немного. Так, что вспоминают они о ней больше для острастки в переговорах, чем по делу. Не волнуйтесь, никто на вас не покусится.

Вот и новость. Он не нашёлся, что сказать. Вот так вот. Земля у него обширна и бедна. Он сначала даже расстроился, услышав это, но тут же одумался. Да как бы бедна она не была, всяко и пашни есть, и луга, и леса, хоть всего этого и немного, но не отказываться же. Ничего-ничего, он хозяин рачительный, всегда был таким. Он и из малого сделает хорошо. Лишь бы... Да-да, самое главное он чуть не упустил!

– А мужики там в крепости? – Спросил Волков. – И сколько их?

– Все в крепости, – ответил канцлер, но как-то странно. Вроде, даже отвернулся от кавалера. – Но сколько их, я сказать не берусь. Семь лет назад и пять лет назад еретики из кантонов дважды ходили на Мален, второй раз взяли его. И ходили через вашу землю. А потом там чума прошлась немилосердно, а прошлый год так и вовсе дождями всё смыл, там вдоль реки, по востоку вашей земли болота стояли. И сколько там сейчас мужиков живет, не знаю. Поедите и посчитаете.

Волков был человеком недоверчивым. Столько раз его обманывали, уж научился. Кавалер потихоньку стал распознавать лицемерие, ложь или недосказанность. И теперь чувствовал, что канцлер ему не говорит правду.

– А отчего же у этой земли нет хозяина? – Спросил он.

– Так был один человек. Дали ему лен три года назад. Звал его граф на смотр, не приходил. Говорил, что болен. А когда два года назад начался мятеж в Фёренбурге, усмирить его надобно было, его позвал герцог, так он опять не пришёл, сказал, что коня у него нет. Герцог и граф ему сказали о неудовольствии, а у него как раз и жена погибла, так он и вовсе бросил лен и уехал за реку, на юг, к еретикам подался.

Волков понимающе кивал и, когда канцлер закончил он спросил:

– Значит, земля моя небогата?

– Дорогой мой Эшбахт, отчего же ей быть богатой, если земля ваша это предгорья. Камень повсюду, овраги от весенних вод. Но доход она может давать, всегда давала, хоть и не большой.

Вот теперь канцлер, кажется, не врал. Небольшой так небольшой. Пусть так, Волков кивнул понимающе. Он был уверен, что справиться, он не боится трудностей, он готов взять эту землю. Лишь бы мужички были. Тем более что, если там когда то был хозяин, может, и замок какой-никакой от него остался.

– До города Малена отсюда полтора дня пути, а от него ещё полдня и граница ваших владений. – Продолжал канцлер. – В Малене найдите имперского землемера Куртца, он поедет с вами и покажет вам всю вашу землю.

– Имперский землемер? – Удивился Волков.

– Именно, все земли империи, что граничат с соседними государствами, всегда показывает имперский чиновник. Чтобы не было лишних споров и конфликтов с соседями. Императору, как и нашему герцогу, совсем не нужны сейчас лишние войны. Поэтому ваши владения вам и покажет имперский землемер. Вот письмо для него.

Канцлер протянул кавалеру свиток.

– А это вам, – он протянул Волкову ещё один свиток, только с печатью и лентой, – это вассальный пакт, подтверждающий ваше владение землёй.

Волков с поклоном взял свиток.

– Вы уже вписаны в реестр земли Ребенрее как землевладелец. И в вассальный статут нашего курфюрста. Езжайте, друг мой, владейте соей землёй и помните главное: меньше всего сейчас дому Ребенрее нужны новые войны. Храните мир с соседями, какими бы они ни были. Кстати, будете в Малене – посетите епископа Маленского, отца Теодора. Предобрейший человек. Передайте от меня поклон.

На том дело было и кончено. Иероним Фолькоф, рыцарь Божий и господин Эшбахта, забрал у канцлера свои бумаги и письмо к имперскому землемеру и откланялся. Вышел из залы, и ещё постоял рядом с дверью. Перечитывал свой пакт. Рассматривал печати. И был, кажется, поначалу всем доволен. Но потом задумался.

Брюнхвальд и все остальные очень хотели знать, что делал кавалер Волков так долго у канцлера, но Волков сел на лошадь молча, и всю дорогу до трактира задумчиво молчал.

Никто его тревожить не решился, только когда он уселся внизу в общей столовой, а не пошёл к себе в покои, Брюнхвальд отважился его спросить:

– Кавалер, от чего вы так задумчивы?

Волков положил пред ним на стол свиток, мол, читайте.

Брюнхвальд взял его с благоговением, прочёл внимательно и сказал:

– Так отчего же вы грустите? Получи такой свиток, я бы благодарил Бога до конца дней.

Офицеры Рене и Бертье брали свиток и тоже читали, даже монах и Максимилиан заглядывали им через плечо, тоже желая знать, что там написано. Все были в восторге.

– Дьявол, что нужно сделать, чтобы получать лен? Я готов на всё! – Заявлял пылкий Бертье. – Да вот до сих пор случая не представилось. Ни разу мне никто такого не предлагал.

А вот серьёзный и взрослый Рене молчал и шевели губами.

– Так чем же вы огорчены? – Всё не понимал Брюнхвальд, садясь за стол напротив Волкова.

– Ничем, добрый друг мой, ничем, просто задумчив я, – отвечал Волков, – отчего же мне грустить, разве от того, что земля моя велика, но не богата, оказывается, так пусть, мне много и не надо.

– А найдётся ли на вашей земле место, где я мог бы поставить сыроварню, и выпас, где я мог бы пасти коров? На выгодных для вас, кавалер, условиях, конечно? – Спросил Брюнхвальд.

– Сыроварню? – Удивился Волков.

– Вы же знаете, что я женился недавно, и жена моя, Гертруда, держит сыроварню в городе Альк, – пояснил Брюнхвальд, – вы ж знаете мою жену?

– Конечно, конечно заню, – всё ещё удивлённо говорил кавалер.

– В городе, после суда, люди ей больше не рады, – невесело сказал Брюнхвальд, – мы решили продать сыроварню и уехать. Думали переехать в Ланн, там и поставить сыроварню, но глава цеха сыроваров Ланна сказал, что за вступление в цех нужно будет внести в цеховую казну пятьсот сорок талеров и платить в цех десятину. И это не считая городских налогов и налогов церковных. В общем, я подумал, что вы, может, не будете против, если я поставлю сыроварню на вашей земле и арендую у вас выпас для десятка коров или, может, дюжины...

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/konofal-skiy_boris/inkvizitor-vassal-i-gospodin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)